

РЕИНКАРНАЦИЯ

Алешенька Достоевский — Алеша Карамазов — Алеша Достоевский

Анна Вербиёва

Праправнук Федора Михайловича Достоевского Алеша родился в 1975 году в Петербурге. После окончания школы с углубленным английским языком поступил в Педагогический университет имени Герцена на факультет иностранных языков. Во время учебы был призван в действующую армию на остров Валаам, был комиссован, но остался на острове в монастыре.

АЛЕША, когда вы узнали или почувствовали себя Достоевским?

— (Смеется.) Я родился Достоевским. Сколько себя помню, всегда им был.

— В чью честь вас называли?

— Были Федоры, Дмитрий есть мой отец. Когда я родился, хотели назвать Иваном, а потом передумали — и стал Алешей.

— Традиция в семье не прерывалась?

— Нет. Все мы уж хотя бы делов да помним, а в нашей семье просто обязаны помнить. Не то чтобы осознавал ответственность как потомок за завешание предка... Был обычным мальчишкой, хорошим поведением не отличался, бегал, хулиганил. Это тоже от дедов-прадедов досталось, все они были непоседы.

— А когда вы заметили, что похожи на Алешу Карамазова?

— Наверное, когда послушался на Валааме... Нет, когда первый раз прочел «Братьев Карамазовых». В школе роман тогда не проходили, а мне кажется, дети воспринимали бы его легче, чем «Преступление и наказание»: он действительно, сюжетный, есть детская тема. Потом, после «Преступления...» в школе, всю жизнь помню: Достоевский тяжелый, Достоевский мрачный, описывает дно общества. Да и до конца редкий школьник дочитывал, а ведь там все кончается по-христиански, воскресением и начальной тоски как не бывало.

— В каких-то сложных жизненных ситуациях оглядываетесь на Алешу — Карамазова?

— Как сказать — ведь это идеал христианина, поступки и мысли его чисты. По наивности, конечно, хочется на него равняться. Но все же это идеал. Федор Михайлович через собственную внутреннюю борьбу видел в своих детях этот образ, но еще скорее хотел, будучи человеком глубоко верующим, чтобы его дети или внуки были такими.

— Вас не давит такая ответственность?

— Нет, я вошел в нее достаточно органично. Ездил в Руссу. Очень повезло, что в моем детстве не было изумленных лиц, желания пощупать, оторвать пугицу. Школа была обычная, но подобрались товарищи, которых мое родство не удивляло. Каждый человек в чем-то отличен от других и, может быть, в чем-то даже замечательный.

— Но для вас Алеша — не просто литературный персонаж?

— Да, он ведь появился от сына

Алеша Достоевский возле дома прапрадеда в Старой Руссе. 1998 г. Фото автора

— Алешеньки, рано умершего. Так что непрожитую жизнь своего сына Достоевский включил в роман. Возможно, этой жизнью мне и жить.

— Сами писать не пробовали — стихи или прозу?

— В детстве пробовал, даже для ребенка неплохо получалось, но потом бросил. Стихи — никогда. Стихами я могу любоваться, но всегда больше доверял прозе. «Пил из кружки, любовался фарфором».

— Долго вы прожили в монастыре? Кем там работали?

— Полтора года. Я был трудником на конюшне — это вроде послушника, но без подрясника. Там замечательная конюшня с орловскими рысаками. К лошади я прикоснулся первый раз в жизни, со второго раза уже свободно держался в седле и без седла. И так полюбил это дело, привязался, уезжал в тоске... Дед Федор Федорович заводчик держал, может, кровь сказала.

— Не хотелось остаться в монастыре?

— Ой, очень хотел, конечно. Родители не запрещали мне, воинствующими атеистами никогда не были. С одной стороны, может быть, Федор Михайлович и хотел бы, чтобы его праправнук остался в монастыре, но с другой — я единственный ребенок в семье. Род продолжать надо, кроме меня, некому. Будь у меня братья, остался бы без колебаний. Жизнь там тяжелая, Валаамский монастырь всегда отличался суровым уставом, туда даже отсылали братию из других монастырей на исправление.

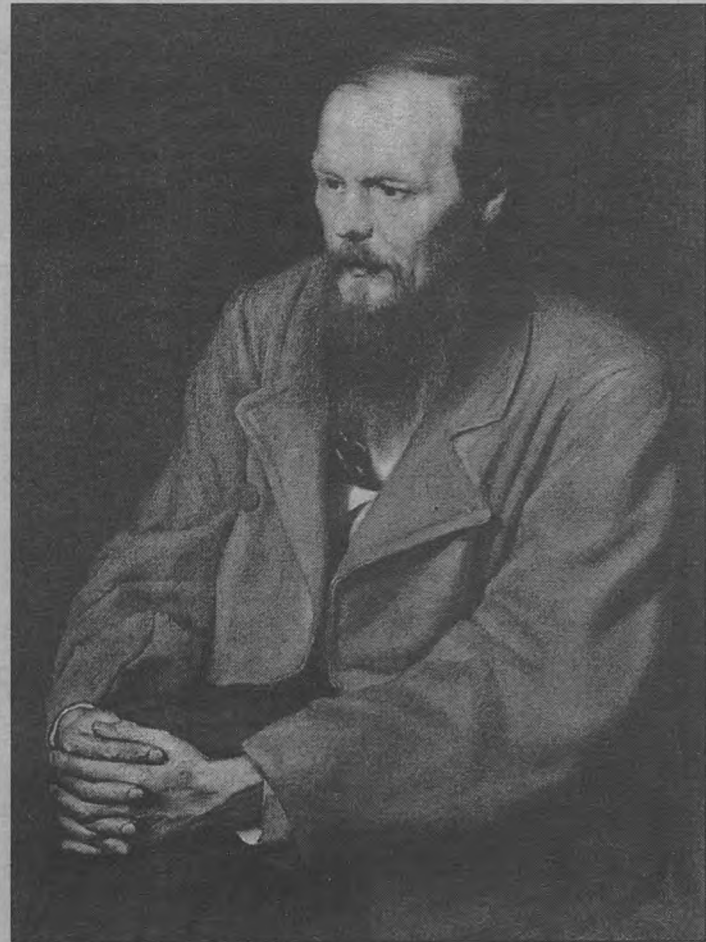
— На Валааме не нашли себе духовника?

— Там у меня есть очень хороший иеромонах Василий, наш конюшенный батюшка. А здесь, в Руссе, отец Агафангел в Георгиевской церкви, который всю нашу семью крестил. Крестились мы все вместе — я, отец и мать, мне тогда было двенадцать лет. Обоим очень люблю, но с Валаама уехал, туда сложно каждую неделю ездить, а когда бываю, конечно же, иду к отцу Василию. Есть у меня и в Питере батюшка,

протоиерей Александр Прокофьев.

— Тянет на остров?

— Вот летом поеду на месяц-два, и сейчас бы уехал, и вернусь туда неоднократно, в этом я уверен. Поживу там с неделей... Бывает, что люди приезжают туда паломниками, а остаются на всю жизнь. Есть там такая братия из приехавших на три дня по путевке. У меня там есть друзья, у которых дома все было, ждало их, но они все оставили ради такого сурового служения во Христе. А старшая братия — люди замечательные, просто удивительные. С удивительными судьбами, образованные, есть и с двумя высшими образованиями. При Курской, перед атакой, с которой-то и начался поворот в войне, было видение Божьей Матери, она указала рукой на запад. Свидетельство, подтвержденное сотнями солдат. Судьба у русского человека особенная, он к вере всегда придет, хоть через три поколения, а не сможет без этого. Ни в масонстве, ни в дианетике, ни в кришнаитстве русский человек полностью раскрыться не может. Это видно. Чего стоит благодатный огонь, который ежегодно сходит в Иерусалиме у гроба Господня. Видеть это чудо и не уверовать, по моему, просто невозможно. А уж тем более — когда православных не пускали в храм и огонь не сходил. Была такая история не так давно, слышал я от отца Рафаила. И огонь не в храм сошел, а снаружи разгорелся и расщепил каменную колонну, и до сих пор эта расщепленная колонна стоит. Точно так же, говорят, вот арабы чрезвычайно шумно ведут себя на Пасху, на плечах друг друга въезжают и орут псалмы с дикой радостью. А в свое время их тоже не пустили, посчитав, что они ведут себя слишком непосредственно и развязно, — и пока их тоже не пустили, огонь не сошел. Так что не нам судить, чья вера более сильная. И как судить соседа, когда, может быть, в душе он гораздо чище тебя. Кстати, и через Достоевского тоже много людей пришли и к вере, и священниками стали.

В.Г. Перов. Портрет Ф.М. Достоевского. 1872 г.

— Значит, вы вернулись из монастыря, и что — восстановились в университете?

— Сначала сдал академическую разницу, но сейчас оставил эту идею и учусь на водителя трамвая.

— Оставили идею стать педагогом?

— Ее и не было, у меня бы терпения не хватило, а лучше никакого учителя, чем плохой. Была любовь к языку со школы. У нас в педагогическом очень серьезные языковые кафедры, с совершенно замечательным преподавательским составом, профессурой — в Петербургском университете даже нет таких кафедр... Да и не приспособлен я к тому, чтобы быть учителем — характер, наверное, от Федора Михайловича. Яркие черты с поколениями нивелируются, но гены очень сильные — параллели и с ним, и с его детьми можно проследить дальше во всех потомках. И Федор Федорович, и Андрей Федорович, и мать с отцом, и я повторяю даже привычки, прищипывая — вот, например, курию много...

— А кто из вас игрок?

— Все азартные люди, легко заводимся, легко поднимаемся, но рассудка не теряем. Да и не сказать, что именно игроки — для игры нужно иметь еще возможность играть. Играть, как Федор Михайлович, у которого была своя система. Она реально существует. Он мог крупно выиграть, даже вдвое больше того, что поставил, но потом срабатывало то, за счет чего живут казино... Зато уже мой отец, когда ездил в Баден-Баден, играл, выиграл и смог остановиться, уйти от стола.

— Когда это было?

— В 1991—1992 году мы ездили в Германию на съемки Би-би-си, но фильм, к сожалению, не удался. В Англии и Германии шел раз два, сюда не приехал — и слава Богу. Идея этого фильма была такова: через сто лет Достоевский снова едет по местам путешествий Федора Михайловича. Так что и казино было то самое, где играл его прадед.

— Но, согласитесь, играть в рулетку перед телекамерой — это несколько искусственная ситуация.

— В казино запрещены всякие съемки — ни фото, ни кино, ни видео. Конечно, сам поход был инсценирован, но как же быть в казино, да не играть. Невозможно. Хоть на пять марок. И потом, он опробовал систему Достоевского и доказал, что она работает.

— Секретную?

— Нет, она описана в романе «Игрок». Надо просто внимательно читать.

— И вы азартны?

— Да, я очень азартный человек.

— А почему все-таки бросили институт и решили стать водителем трамвая?

— Не знаю, может быть, исчерпал себя в студенчестве. Может быть, из-за лени, с которой я стараюсь бороться. Не сказать, что безуспешно, но бороться всегда есть с чем. Может быть, потому, что поступал ради языка, но только до какой-то черточки: получил основу, надстроил ее, знаю язык достаточно хорошо. И все. После Валаама не захотелось возвращаться — за пять лет, с тех пор как я поступил, очень сильно изменилась студенческая жизнь. А мне всегда сложно сосредоточиться так, чтобы ничего не мешало, не могу чем-то целеустремленно заниматься.

— Вы не честолюбивы?

— Абсолютно. Да ведь и Федор Михайлович был в чем-то мужиком. Многие говорили, что лицо у него мужицкое. В портретах, на наибольшую достоверность которых и Анна Григорьевна указывала, видно — вот вам, пожалуйста, перовский портрет висит. Видно, что это лицо мужика, хотя в глазах сказались вся глубина. Много история знает преступников с ангельскими лицами и людей праведных, человечных с лицами преступников... И мой отец мужик, он имеет много рабочих специальностей. На острове я почувствовал, что чем проще труд, чем меньше честолюбия, тем человеку свободнее и легче живется. Я имею в виду духовную жизнь, а материальное все наживное. Вода есть, чай есть — и слава Богу, что есть, жить можно. А духовно, по совести жить — легче в земле.

Старая Русса—Москва

*Алешенька Достоевский родился 22 (10) августа 1875 года в Петербурге и умер 28 (16) мая 1878-го от тяжелой формы эпилепсии. Это был единственный из детей Достоевского, кто в полной мере унаследовал отцовскую болезнь. После агонии и смерти сына Достоевский уехал в Старую Руссу. Имя Алексея — человека Божия было особенно почитаемо Достоевским, но раньше ни одного Алексея в роду не было. В «Воспоминаниях» Анны Григорьевны Достоевской (М.: Правда, 1987) Алешеньке посвящена целая глава.